

УДК 343.9

*А.С. Кондаков***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ**

Рассматриваются основные проблемы и вопросы законодательства о противодействии религиозному экстремизму, а также возникающие вопросы правоприменительной практики. Указывается на недостатки действующего законодательства, в том числе Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», на отсутствие четкого перечня преступлений, отнесенных законодателем к категории экстремистских; отсутствие в законодательстве и научной литературе определения понятий «экстремизм», «религиозный экстремизм» и «экстремистская деятельность», «религия». Обращается внимание на определенные сложности установления субъективной стороны преступлений, совершаемых на почве религиозной ненависти, мотива преступного деяния, а также смежного с названной проблемой вопроса отсутствия легального понятия таких явлений, как «ненависть», «вражда», «социальная группа». Исследуется проблема разграничения составов преступлений экстремистской направленности, в том числе совершаемых на почве ненависти к религии, от других смежных составов преступных деяний. Рассматриваются вопросы разграничения совершения экстремистских действий от террористического акта, организации преступного сообщества от экстремистского сообщества, призывов к осуществлению экстремистской деятельности и призывов к развязыванию агрессивной войны, совершения экстремистских действий от дискриминации. Высказаны предложения по их надлежащей квалификации в практической деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, ненависть, вражда, социальная группа, безопасность, экстремистская организация, преступное сообщество, агрессивная война, религия, экстремистская деятельность.

Результаты исследования проблем религиозного экстремизма позволяют отметить основные недостатки действующего законодательства, устранение которых должно сделать борьбу с религиозным экстремизмом более эффективной.

В уголовно-правовой теории и практике применения уголовного законодательства явление экстремизма толкуется неоднозначно. Изучение действующего законодательства, регулирующего вопросы противодействия религиозному экстремизму, позволяет указать на отдельные недостатки норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за совершение экстремистских преступлений (в том числе преступлений на почве религиозной ненависти).

В силу требований примечаний к ст. 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и пунктом «е» ч. 1 ст. 63. Таким образом, можно сделать вывод о том, что все экстремистские преступления разделяются законодателем на две группы, а именно на непосредственные экстремистские преступления, при описании составов которых Уголовным кодексом РФ дается прямое указание на наличие экстремистских мотивов совершения данного преступного деяния, и на косвенно экстремистские преступные деяния, при описании составов которых Уголовный кодекс РФ прямо не указывает на совершение данного преступления по мотивам ненависти или вражды, но данное деяние все равно совершено по названным мотивам, что находит свою оценку как обстоятельство, отягчающее вину при назначении наказания судом.

Такая позиция законодателя в отношении определения понятия «преступление экстремистской направленности» не может считаться идеальной, поскольку действующим законодательством окончательный список этих преступлений так и остался неопределенным, что при сложившихся условиях может повлечь за собой расширительное толкование уголовного законодательства и отнесение к преступлениям экстремистской направленности и таких деяний, для которых мотив ненависти или вражды к определенным группам людей не является обязательным. Отсылка к положениям «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ также представляется нам не совсем верным решением, поскольку указанная правовая норма сама по себе не устанавливает каких бы то ни было мотивов совершения преступных деяний, а определяет конкретный перечень обстоятельств, при которых совершение преступления влечет более строгое наказание.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ раскрывает понятие «экстремизм» более широко, чем Уголовный кодекс Российской Федерации понятие «преступления экстремистской направленности». Данным законом наличие мотива ненависти или вражды не является обязательным условием совершения действий, которые отнесены к экстремистским. Так, отдельные виды противоправных экстремистских действий, подпадающих под определение экстремизма из ст. 1 Федерального закона, могут быть совершены и при отсутствии мотива ненависти или вражды (в том числе и на почве ненависти к религии). К таким действиям можно отнести, например, насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, а также воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения, для совершения которых мотив ненависти или вражды далеко не всегда является обязательным. При этом следует отметить, что статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, которыми установлена уголовная ответственность за данное деяние, законодателем к категории так называемых экстремистских не отнесены.

В настоящее время уголовная репрессия лиц, обвиняемых в совершении преступлений экстремистской направленности, вызывает затруднения, поскольку предмет доказывания вины в совершении указанных преступлений находится в плоскости оценочных понятий, а сложность установления всех элементов состава преступления экстремистской направленности сводится к необходимости однозначного определения субъективной стороны деяния.

Изучение следственно-судебной практики по таким делам показывает, что зачастую органы предварительного расследования и суды предпринимают попытки установить субъективную сторону состава преступления экстремистской направленности косвенно – через объективную сторону. Так, если экстремистское преступление совершается представителем одной религиозной конфессии в отношении представителя другой конфессии, то мотив указанного преступления устанавливается однозначно – на почве религиозной ненависти или вражды. Соответственно, не учитывается возможность длительных межличностных отношений потерпевшего и обвиняемого, наличие между ними конфликтов, не связанных с национальностью, религией, враждой, ненавистью, местью на почве только принадлежности к разным социальным группам: за побудительные мотивы выдаются смыслообразующие. Вместе с тем в уголовном судопроизводстве устанавливаются именно побудительные мотивы преступлений¹.

Определенную трудность при расследовании данных преступлений представляет то, что доказывание именно экстремистского мотива совершения преступления представляется невозможным. В ходе производства дальнейших следственных действий субъективная сторона совершенного преступного деяния видоизменяется и приобретает другие формы (например, экстремистский мотив изменяется на мотив личной неприязни либо хулиганский).

Проблемы в правоприменении возникают и из-за отсутствия легального понятия религии. В научной литературе однозначного понятие религии тоже нет. По мнению некоторых ученых, религия – это особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации². При определении понятия «религия» ученые вынуждены обращаться к понятиям философской науки. С учетом постоянно увеличивающегося количества религиозных воззрений, новых религий и исчезновения старых непосредственно установить мотив совершенного преступного деяния – ненависть к представителям конкретной религии – может оказаться затруднительным.

Совершение преступлений экстремистской направленности является составной частью экстремистской деятельности в целом, поэтому вполне обоснованно начать поиск несовершенств действующего законодательства именно в положениях Закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Обращает на себя внимание тот факт, что в указанном законе отсутствует однозначно определенный объект правового регулирования, а именно в ст. 1 Закона произошло смешение понятий «экстремистская деятельность» и «террористическая деятельность». Вместе с тем указанные явления

¹ Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор: метод. пособие / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 38.

² Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. М., 2008.

имеют разную правовую и социальную природу, служат различным преступным целям и приводят зачастую к несравнимым между собой последствиям. Так, экстремистские убеждения означают укорененность определенных идей, основанных на ненависти либо вражде, в сознании группы людей. Терроризм, в свою очередь, в большинстве случаев означает претворение данных идей в жизнь путем совершения террористических актов. Таким образом, экстремистская деятельность и терроризм не являются однозначно взаимозаменяемыми понятиями, порядок и методы борьбы с данными явлениями не могут быть урегулированы одним федеральным законом.

Существенной проблемой является отсутствие в действующем законодательстве однозначного определения понятия «преступления экстремистской направленности», что создает препятствия в формировании устойчивой правоприменительной практики. Кроме того, отсутствие определения данного понятия влечет за собой признание понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» равнозначными.

Дискуссии в науке и правоприменительной практике вызывают также формулировки ст. 282 Уголовного кодекса РФ. Так, объективная сторона данного преступления не содержит перечня конкретных действий, совершаемых в целях возбуждения ненависти либо вражды. При определенных обстоятельствах такая формулировка правовой нормы может повлечь за собой ее расширительное толкование, произвольное привлечение к уголовной ответственности, а также создать предпосылки для ограничения предусмотренного Конституцией РФ права на свободное выражение собственного мнения. Особое опасение в данном случае вызывает отсутствие в действующем законодательстве понятия «социальная группа».

Возвращаясь к недостаткам Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», следует отметить, что данным законом предусмотрена возможность прекращения деятельности организации, допускающей действия экстремистского характера. Вместе с тем для эффективного противодействия экстремистской деятельности указанной меры явно недостаточно, поскольку те же лица, которые ранее принимали участие в деятельности ликвидированной организации, через короткий промежуток времени создают новую организацию в ином составе учредителей и по другому адресу, продолжая ту же самую экстремистскую деятельность.

Определенные сложности возникают и при практическом применении положений законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

Применение положений закона об установлении мотива преступлений экстремистской направленности осложняется наличием проблемы в определении понятий «ненависть», «вражда», «социальная группа».

Мотив, с точки зрения А.П. Козлова, включает в себя два уровня мотивации преступного поведения. Первый уровень – это осознание потребности и формирование стремления к достижению поставленной цели. Данный мотив социально нейтрален и остается таковым до тех пор, пока субъект не перейдет к преступному действию. Второй уровень – это выбор способа удовлетворения потребности, то есть преступного поведения. Такое понимание мотива полностью соответствует экстремистскому мотиву. Под последним понимается мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, в содержание которого можно выделить две составляющие – ненависть и вражда – явления взаимосвязанные. И если ненависть представляет собой категорию субъективную, то вражда является объективным выражением или «продолжением» ненависти.

П.А. Кабанов, говоря о политической ненависти и вражде, отмечает, что «...политическая ненависть как мотив преступлений экстремистской направленности – это внутреннее, осознанное побуждение лица совершить преступление в силу неприязни к конкретным лицам или их общностям, конкурирующим в борьбе за власть, придерживающимся иных политических взглядов либо безразлично относящимся к политической жизни..., а политическая вражда – внешнее проявление или следствие этой ненависти, искусственно провоцирующее ответную политическую ненависть других лиц к ее носителям и распространителям»³.

Таким образом, ненависть – это внутреннее чувство неприязни, а вражда – форма выражения ненависти, как правило, сопровождаемая насильственными действиями.

³ Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как мотив преступления // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 34-35.

Мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы стоит особняком, поскольку в настоящее время отсутствует единое научное понимание термина «социальная группа». Одни социологи называют социальной группой «относительно устойчивые совокупности людей, имеющие отличные только им присущие признаки и выступающие целостными субъектами отношений в обществе»⁴. Другие выделяют ряд обязательных признаков социальной группы: наличие внутренней организации, общая (групповая) цель деятельности, групповые формы социального контроля, образцы, модели групповой деятельности, интенсивные групповые взаимодействия.

Для верного и однозначного применения положений законодательства о противодействии экстремистской деятельности необходимо обозначить ряд проблем в сфере разграничения смежных составов преступных деяний.

У состава ст. 210 и состава ст. 282.1 Уголовного РФ существуют общие признаки. К ним, во-первых, следует отнести наличие понятия «сообщество». Действующим законодательством, в научной и учебной литературе не установлено, что будет являться сообществом по смыслу ст. 282.1 Уголовного кодекса РФ, будет ли это специальным видом преступного сообщества, типом организованной преступной группы или иным независимым, отдельным понятием. При этом следует отметить, что экстремистское сообщество имеет сходные признаки как с преступной группой, так и с преступным сообществом.

Обращает на себя внимание сходство указанных составов в части их формальности, то есть и преступление, предусмотренное ст. 210, и преступление, предусмотренное ст. 282.1, будет окончено с момента фактического создания сообщества, несмотря на факт совершения либо несвершения указанными сообществами преступных деяний.

Формулировки составов данных преступлений предусматривают ответственность за организацию сообщества, осуществление деятельности по руководству им, а также за принятие участия в деятельности сообщества.

При разграничении вышеназванных составов преступлений необходимо учитывать, что преступное сообщество создается для совершения его членами исключительно тяжких и особо тяжких преступных деяний, в то время как экстремистское сообщество создается для совершения преступлений на почве ненависти или вражды по определенным признакам, часть из которых не отнесена законодателем к категории тяжких либо особо тяжких преступлений.

В случае если участниками группировки совершено тяжкое преступление экстремистской направленности, квалифицировать содеянное необходимо, основываясь на мотивах действий виновных лиц. Если преступное сообщество создано по мотивам, исключающим проявления ненависти либо вражды (мотивы извлечения выгоды, нарушения общественного порядка и т. Д.), то совершенные в данном случае деяния надлежит квалифицировать по ст. 210 Уголовного кодекса РФ. Само по себе наличие среди жертв преступлений представителей иной национальности, религии и тому подобное не может свидетельствовать о функционировании именно экстремистского сообщества. Для того чтобы квалифицировать совершенное деяние по ст. 282.1 Уголовного кодекса РФ, требуется совокупность определенных признаков, в том числе внутренняя идеология ненависти или вражды в сообществе, использование членами сообщества экстремистской символики и спецодежды, нацистских символов. В ходе практической деятельности сотрудниками правоохранительных органов могут быть выявлены также и иные признаки.

Следующим по значимости составом преступления, требующим отграничения, является террористический акт, ответственность за совершение которого установлена ст. 205 Уголовного кодекса РФ. Здесь провести отграничения требуется от преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Объектом указанного преступления будут являться безопасность государства и основ его конституционного строя, в качестве дополнительного объекта будут выступать права и свободы граждан, закреплённые Конституцией Российской Федерации. При совершении террористического акта преступники посягают в первую очередь на общественную безопасность. Дополнительным объектом данного преступления будут выступать жизнь и здоровье человека, собственность, установленный порядок деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Деяния, предусмотренные ст. 282 Уголовного кодекса РФ, могут быть совершены с применением насилия, угрозой его применения, взрывов, поджогов и т. д. В случае совершения террористи-

⁴ Толковый словарь обществоведческих терминов / под ред. Н.Е. Яценко, СПб., 1998. С. 116.

ческого акта взрывы и пожары всегда влекут за собой угрозу причинения вреда жизни и здоровью людей, наступления иных тяжких последствий. Но с учетом того, что состав преступления, предусмотренный ст. 282 Уголовного кодекса РФ, носит формальный состав, для признания преступления оконченным не требуется наступления каких-либо общественно вредных либо общественно-опасных последствий.

В качестве последнего отличительного признака указанных составов необходимо рассматривать цель. Преступление, предусмотренное ст. 282 Уголовного кодекса РФ, должно быть совершено с целью возбуждения расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды либо унижения человеческого достоинства. Основной целью террористического акта является воздействие на органы власти с целью понуждения их к принятию определенных решений. Если перечисленные в ст. 282 Уголовного кодекса РФ цели достигаются путем совершения террористического акта, то содеянное квалифицируется по совокупности деяний, предусмотренных ст. 205 и 282 УК РФ⁵.

Необходимо также обсудить вопрос разграничения призывов к осуществлению экстремистской деятельности от действий, направленных на подстрекательство к совершению иных преступных деяний.

Статьей 280 Уголовного кодекса РФ определена ответственность за высказывание призывов к совершению разных видов экстремистской деятельности, перечень которых установлен в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Каждое из данных преступных деяний может быть совершено в соучастии через подстрекательство, поскольку понудить другое лицо к совершению преступного деяния возможно разнообразными способами и методами, в том числе путем высказывания публичных призывов. Однако данные составы имеют и отличительные признаки. Подстрекательство, совершенное путем призывов к осуществлению преступной деятельности, должно быть направлено конкретному адресату⁶.

Например, призывы к осуществлению террористического акта, в которых содержится конкретная информация о дате, времени, месте и способе его совершения, не могут быть квалифицированы по ст. 280 Уголовного кодекса РФ. Указанные действия охватываются составом преступления, предусмотренным ч. 4 ст. 33, ст. 205 УК РФ. Состав преступления, содержащийся в ст. 280 Уголовного кодекса РФ, формальный, поэтому для его вменения не является значимым, было ли совершено преступление, к которому призывало виновное лицо, или нет. Для подстрекательства к совершению иного преступления юридически важен факт именно свершившегося преступления, к которому было осуществлено подстрекательство.

В ст. 280 Уголовного кодекса РФ устанавливается уголовная ответственность за совершение призывов в форме, доступной неопределенному кругу лиц, а подстрекательство к иным преступлениям может быть совершено также и в непубличной форме. В связи с вышеизложенным полагаем целесообразным квалифицировать непубличные призывы к осуществлению экстремистской деятельности по форме подстрекательства.

Спорным представляется вопрос о наличии в Уголовном кодексе РФ ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма». Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» отнес террористическую деятельность к категории экстремистской, в связи с чем необходимо внесение изменений в действующее законодательство с целью исключить дублирование составов преступления, предусмотренных ст. 280 и 205.2 Уголовного кодекса РФ.

Следует согласиться с позицией А.В. Ростокинского, по мнению которого «наиболее оптимальным вариантом является отказ от ссылочного характера ст. 280 Уголовного кодекса РФ и перечисление в ней конкретных, наиболее опасных преступлений, публичные призывы к которым образуют самостоятельный состав, а в остальных случаях применять общие нормы ч. 4 ст. 33 УК РФ за подстрекательство. Содержание ст. 280 УК РФ должно охватывать наиболее опасные насильственные посягательства против государства и порядка управления»⁷.

Необходимо разграничение ст. 280 и ст. 354 Уголовного кодекса РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны». Для разграничения данных видов составов необходимо устано-

⁵ Коряковцев В.В., Питулько К.В. Комментарий к Уголовному Кодексу РФ. СПб.: Питер, 2010. С. 659.

⁶ Радченко В.И. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. 2-е изд. М., 2010. С. 55.

⁷ Ростокинский А.В. Публичные призывы и подстрекательство к совершению преступлений: попытка разграничения // Журнал российского права. 2007. №12. С. 64.

вить фактическое содержание призывов. Если призывы направлены на совершение любых действий, которые отнесены действующим законодательством к категории экстремистских, то содеянное квалифицируется по ст. 280 Уголовного кодекса РФ. Если виновное лицо призывает именно к развязыванию агрессивной войны, то его действия надлежит квалифицировать по ст. 354 УК РФ.

Также заслуживает внимания вопрос разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 136 и ст. 282 Уголовного кодекса РФ. Общим признаком указанных составов служит мотив совершаемых деяний – ненависть либо вражда по признакам религии, национальности, расы, идеологии и т. д. Разграничить данные составы можно по нескольким признакам. Согласно составу ст. 282 Уголовного кодекса РФ в данном случае реального наступления общественно-опасных последствий не требуется. В свою очередь, чтобы преступление, предусмотренное ст. 136 Уголовного кодекса РФ, считалось оконченным, наступление реальных общественно-опасных последствий в виде нарушения принципа равенства прав человека и гражданина необходимо.

Для квалификации преступных действий по ст. 282 Уголовного кодекса РФ не имеет юридического значения конкретный способ возбуждения ненависти или вражды, в то время как ст. 136 Уголовного кодекса РФ указывает лишь на единственный способ – дискриминацию.

Проведенный нами анализ положений законодательства, а также практики противодействия преступлениям на почве религиозной ненависти позволил выявить определенные проблемы, способные повлиять на эффективность борьбы с этим опасным социальным явлением. Преодоление проблем правоприменения должно стать одним из основных направлений деятельности всех заинтересованных лиц.

Поступила в редакцию 11.01.17

A.S. Kondakov

THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF APPLICATION OF THE LEGISLATION TO COUNTER RELIGIOUS EXTREMISM

The main problems and issues of laws aimed at counteracting religious extremism and emerging issues of law enforcement practice are discussed. The paper reveals shortcomings of the current legislation, including the Federal Law on Counteracting Extremist Activities, points to the lack of a clear list of crimes classified by the legislator as extremist crimes, and points to the absence in the legislation and scientific literature of definitions of the concepts “extremism”, “religious extremism”, “extremist activity” and “religion”. Attention is given to certain difficulties in establishing the subjective side of crimes committed due to religious hatred, the motive of the criminal act, and the related issue of the absence of a legal concept of phenomena such as “hatred”, “enmity” and “social group”. The paper discusses the problem of distinguishing extremist crimes, including those committed on the basis of hatred of religion, from other related criminal acts, distinguishing extremist acts from terrorist acts, a criminal community from an extremist community, calls for extremist activity and calls for unleashing an aggressive war, and extremism from discrimination. Suggestions are made concerning their proper qualification in practice.

Keywords: extremism, terrorism, hatred, enmity, social group security, extremist organization, criminal organization, aggressive war, religion, extremism activity.

Кондаков Алексей Сергеевич, аспирант
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: ipsub@jf.uni.udm.ru

Kondakov A.S., postgraduate student
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6; Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: ipsub@jf.uni.udm.ru